

Д. С. Л И Х А Ч Е В

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Что сближает «Слово о полку Игореве» с литературой своего времени и что его выделяет в ней? Указывают ли отдельные сближения с литературой XII в. на то, что «Слово» не могло быть порождено другой эпохой, а то, что выделяет «Слово» среди произведений его времени, не противоречит ли его обычной датировке?

А. С. Пушкин писал в своей статье «О ничтожестве литературы русской», изумляясь непреходящей красоте «Слова»: «. . . „Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности».¹ С тех пор прошло больше столетия,² «Слово» изучалось литературоведами, лингвистами, историками, было открыто много новых памятников древней русской литературы, изучен процесс литературного развития. Подтвердили ли все эти дальнейшие изучения слова Пушкина об одиночестве «Слова»?

Я думаю, что слова Пушкина подтверждены в том, что перед нами произведение изумительное, «горная вершина». Мы ведь и до сих пор воспринимаем «Слово» как памятник гениальный. Но слова Пушкина не подтверждены в том, что «Слово» одиноко. «Слово» возвышается, но не в пустыне, не на равнине, а среди горной цепи, где есть и памятники исторические, ораторские, житийные, где есть произведения, сходные по своему типу, где высказывались сходные патриотические идеи, возникали сходные темы. Более чем полуторавековое изучение «Слова» и всей древней русской литературы, в которой были открыты после Пушкина многие новые памятники, позволяют нам в настоящее время согласиться с тем, что было сказано Б. Д. Грековым: «Волнующая красота и удивляющая глубина „Слова“ — не чудо, а закономерность».³

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, изд. 2-е, М., 1958, стр. 307.

² Статья «О ничтожестве литературы русской» написана в 1834 г.

³ Б. Д. Греков. Автор «Слова о полку Игореве» и его время. — Историк-марксист, 1938, кн. 4, стр. 10.

Не буду касаться всех связей «Слова» с литературой его времени. В последние десятилетия особенно много сделано в этом направлении. Укажу хотя бы на те многочисленные параллели, которые были подысканы к отдельным местам «Слова» в работах В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, Д. В. Айналова, Н. К. Гудзия, И. П. Еремина, Н. М. Дылевского, Б. Ангелова и др.

В задачу данной статьи входит выделить те некоторые особенности «Слова», которые делают несомненной его средневековую литературную природу.

*

Говоря об отличительной черте древнерусского искусства в целом, в том числе и литературы, Б. И. Бурсов отмечает ее эпическую тему: «На протяжении всего древнего периода истории русского искусства, при учете непрерывного его развития в целом и отличительных свойств разных школ и направлений, преобладали тенденции к темам общего характера — теме судьбы государства в первую очередь, то есть к эпической теме. Нет спору, что к самым замечательным памятникам древнерусской литературы принадлежат произведения эпические по своему заданию».⁴ Но эпическая тема, как отмечает Б. И. Бурсов, воплощается в произведениях, проникнутые сильным лирическим началом. «Эпическая тема в древнерусской литературе проникнута не спокойным и созерцательным отношением к миру, как это было в классическом эпосе древней Греции, а всевозрастающей тревогой. . . В ней звучат голоса, полные тоски и боли. Но они перебиваются другими, которые зовут к подвигам и жертвам и которые исполнены веры в победу. События и люди изображаются в древнерусской литературе с резко определенных позиций, а потому окрашены ярким лирическим чувством. И если уже доводить эту мысль до конца, то следует сказать, что в смысле средств изображения лирическая стихия является ведущей в древнерусской литературе. Она не столько показывает, сколько рассказывает, что нередко подчеркнуто самими названиями произведений: „Слово. . .“, „Сказание. . .“ и т. д. . . . Носитель лирической стихии — именно тот, кто в наибольшей степени испытывает тоску и боль за судьбу родины».⁵

В приведенной цитате дана характеристика одной из самых важных особенностей древней русской литературы. Эпическая

⁴ Б. И. Бурсов. О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. (Статья первая). — Русская литература, 1958, № 1, стр. 28.

⁵ Там же, стр. 28—29.

тема, разрешаемая лирическими средствами, боль и тоска за судьбу родины, взволнованный рассказ об исторических событиях, непосредственное авторское толкование этих событий, прямой призыв к спасению родины, к преодолению неурядиц, к согласованным действиям всех ради общественного блага, преобладание рассказа над показом, ораторства над авторским самоустранением последующих литературных произведений или трансформаций образа автора как одной из форм авторского самоустранения — все это, действительно, очень типично для древней русской литературы, для всех ее жанров и всех веков вплоть до начала XVII в.

Эта типичная особенность нашла себе одно из самых ярких выражений в «Слове о полку Игореве». «Слово» посвящено теме защиты родины, оно лирично, исполнено тоски и скорби, гневного возмущения и страстного призыва. Оно эпично и лирично одновременно. Автор постоянно вмешивается в ход событий, о которых рассказывает. Он прерывает самого себя восклицаниями тоски и горя, как бы хочет остановить тревожный ход событий, сравнивает прошлое с настоящим, призывает князей современников к активным действиям против врагов родины.

Совершенно прав И. П. Еремин, когда пишет, что автор «Слова» «действительно заполняет собою все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, „автор“, вносит в „Слово“ и ту лирическую стихию, и тот горячий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения».⁶

Те же черты мы найдем во всех исторических повестях древней Руси, но особенно характерны они для XII и XIII вв. — для «Слова о погибели Русской земли», для «Повести о разорении Рязани Батыем», для повестей о битве на Калке, о взятии Владимира татарами и многих других.

И. П. Еремин справедливо отмечает в «Слове о полку Игореве» многие приемы ораторского искусства. Это еще не служит, как мне кажется, доказательством принадлежности «Слова» к жанру ораторских произведений, но это ярко свидетельствует о пронизывающей «Слово» стихии устной речи. Эта стихия устной речи вообще характерна для древнерусской литературы, как бы еще не освободившейся от традиций устных художественных произведений, от традиций речевых выступлений⁷ и церковной проповеди, но вместе с тем теснейшим образом связана с той лири-

⁶ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 111.

⁷ Д. С. Лихачев. Устные истоки поэтической системы «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», исследования и статьи.

ческой стихией, о которой говорилось выше. Через ораторские обращения и ораторские восклицания передавалось авторское отношение к событиям, изображаемым в рассказе. Перед нами в «Слове», как и во многих других произведениях древней Руси, — рассказ, в котором автор чаще ощущает себя говорящим, чем пишущим, своих читателей слушателями, а не читателями, свою тему — темой поучения, а не рассказа.

Автор «Слова» обращается к своим князьям современникам и в целом и по отдельности. По именам он обращается к двенадцати князьям, но в число его воображаемых слушателей входят все русские князья и, больше того, все его современники вообще. Это лирический призыв, широкая эпическая тема, разрешаемая лирически. Образ автора-наставника, образ читателей-слушателей, тема произведения, средства убеждения — все это как нельзя более характерно для древней русской литературы в целом.

Не случайно поводом для призыва князей к единению взято в «Слове» п о р а ж е н и е русских князей. Только непониманием содержания «Слова» можно объяснить тот факт, что А. Мазон считал целью «Слова» обоснование законности территориальных притязаний Екатерины II на юге и западе России.⁸ Для такого рода притязаний скорее бы подошла тема победы, именно победа могла бы сослужить наилучшую службу для выражения лести. . . Для той шовинистической цели, которую предполагает А. Мазон в «Слове», толкуя его как произведение XVIII в., незачем было менять тему «Задонщины», повествующей о победе русского оружия, на тему поражения мелкого русского удельного князя Игоря Святославича от войск половцев. Между тем тема поражения органически связана с темой призыва исправиться и постоять за Русскую землю. Вспомним церковные поучения XI—XIII вв. Они прикреплялись к несчастным общественным событиям — нашествиям иноплеменников, землетрясениям, недородам. Начиная от «Поучения о казнях божиих», помещенного в летописи под 1067 г., и кончая поучениями Серапиона Владимирского — все призывы церковных проповедников строились на материале общественных несчастий. Не только церковные проповедники, но и летописцы стремились высказать хотя бы несколько слов поучения по поводу того или иного поражения русских войск, разорения городов и сел половцами, а впоследствии татарами, голода, недорода, пожара и т. д. Типична самая форма этих поучений: если они коротки — это восклицания, напоминающие авторские отступления в «Слове о полку Игореве»

⁸ А. М а з о н. *Le Slovo d'Igor*. Paris, 1940, стр. 160—163, 76—77 и др.

(«О горе и тоска!»; «тоска и туга!»; «О, велика скорбь бяше в людях!» и т. д.); если они пространны — это лирические призывы к современникам исправиться, стать на путь покаяния, активно сопротивляться злу.

Общественные несчастья служили правоучительной основой и для житийной литературы. Убийство Бориса и Глеба, убийство Игоря Ольговича служили исходной темой для проповеди братолюбия, княжеского единения и княжеского послушания старшему.

Характерно, что не только церковная, но и чисто светская литература, светское правоучение, политическая агитация находили себе повод в политических несчастьях. Поражение обычно служило в древней Руси стимулом для подъема общественного самосознания, для начала новых действий, реформ, введения новых установлений. Это была до известной степени реакция здорового, полного сил общественного организма, признак его жизнеспособности и уверенности в своем будущем. Вспомним всю реформаторскую деятельность Владимира Мономаха. Он стремился использовать уроки неурядиц и поражений для новых и новых обращений к русским князьям. Замечательно при этом, что проповедь политического единения, призывы к исправлению нравов или к новым военным действиям против врагов опирались на события только что совершившиеся, которые еще живо ощущались, не остыли, были перед глазами у всех, были полны эмоциональной силы. Этим во много раз увеличивалась действенность проповеди. В древней литературе XI—XIII вв. почти нет случая, чтобы основной правоучительный толчок давался событием далекого прошлого. Правоучение могло широко использовать воспоминания о прошлом (особенно, когда нужно было сравнить печальное настоящее с цветущим прошлым, как например в «Слове о погибели Русской земли»), но тем не менее поводом для написания правоучения прошлое не служило. Литературная тенденция была остро современна.

Почти все произведения древней русской литературы, посвященные историческим событиям, избирают эти события из живой современности, описывают события только что случившиеся. События далекого прошлого служат основанием только для новых компиляций, для новых редакций старых произведений, для сводов — летописных и хронографических. Вот почему самые события, изображенные в «Слове», служат до известной степени основанием для датировки «Слова», тем более для произведения столь агитационного, как «Слово». «Слово о полку Игореве» и в этом отношении типично. Тема поражения, как основа для поучения, для призыва к единению, может быть избрана только для произведения, составленного тотчас же после этого поражения.

*

Сомнения вызывает одиночество «Слова» среди памятников древнерусской литературы по своему стилю и жанру. Эти два вопроса — о стиле и о жанре — тесно связаны между собой и поэтому удобнее рассмотреть их вместе.

Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанру и стилю «Слова». Если «Слово» — светское ораторское произведение XII в., то других светских ораторских произведений XII в. пока еще не обнаружено. Если «Слово» — былина XII в., то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это «воинская повесть», то такого рода воинских повестей мы также не знаем.

Так же сложно обстоит дело и со стилем «Слова». К какому стилю из существовавших в древнерусской литературе относится «Слово»? И здесь оно одиноко в своей необычной близости к народной поэзии. Отдельные элементы стилистического строя «Слова» могут быть обнаружены в различных памятниках древней русской литературы и русской народной поэзии, но в целом с таким преобладанием элементов народно-поэтических второго произведения такого же рода от XII—XIII вв. до нас не дошло.

Итак, прямых аналогий «Слову» в жанре и в стиле мы не находим. В этом нет ничего удивительного. Русскую литературу домонгольского периода мы знаем не целиком, выборочно. В этом виноваты и специальный отбор рукописей в монастырских библиотеках, куда не попадали светские произведения, и татаро-монгольское иго, уничтожившее неисчислимые книжные богатства древней Руси. Одинокое положение «Слова» в отношении своего жанра и стиля не исключение в истории древнерусской литературы. Мы не можем найти прямых аналогий «Поучению» Владимира Мономаха, летописи его походов, его письму к Олегу Святославичу. Нет аналогий «Молению» Даниила Заточника. Все эти произведения стоят не менее обособленно, чем «Слово». И эта обособленность понятна. Возможно, что очень много произведений тех же жанров просто до нас не дошло. Возможно же и другое — жанровые признаки оригинальных русских произведений еще не успели достаточно созреть.

Для «Слова о полку Игореве» несомненно имеет значение и то и другое. Но главное может быть даже и не в этом. «Слово» — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии. И в литературе, и в устном творчестве существуют свои собственные жанровые системы, отнюдь не похожие друг на друга. Поскольку в «Слове» письменное произведение вступило в связь с устной поэзией и таким образом произошло столкновение жанровых систем, жанровая природа «Слова» оказалась неопределенной. В «Слове о полку Игореве», как и в «Слове о поги-

бели Русской земли», как и в «Похвале роду рязанских князей», как и в «Похвале Роману Галицкому», мы имеем еще не сложившийся окончательно новый для русской литературы жанр, жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, и к плачам и славам народной поэзии — с другой.

К сожалению, систематического изучения жанров древнерусской литературы, их зарождения и истории еще не проведено. Этим крайне затрудняются жанровые определения в древней русской литературе вообще. Невольно мы можем модернизировать жанровые категории, открыть в древней русской литературе такие жанры, которых в ней не существовало, упростить жанровую систему древней русской литературы и т. д.

Попытаемся все же проанализировать своеобразную «гибридность» «Слова» и прежде всего его жанровые связи с народной поэзией.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове»: плачей и песенных прославлений — «слав», хотя далеко не ограничивается ими. «Плачи» и «славы» автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова» и который сам по себе отделяет его от произведений устной народной словесности, где каждое произведение подчинено в основном одному жанру и одному настроению.

«Плачи» автор «Слова» упоминает не менее пяти раз: плач Ярославны, плач жен русских воинов, павших в походе Игоря, плач матери Ростислава. Плачи же имеет в виду автор «Слова» тогда, когда говорит о стонах Киева и Чернигова и всей Русской земли после похода Игоря. Дважды приводит автор «Слова» и самые плачи: плач Ярославны и плач русских жен. Многократно он отвлекается от повествования, прибегая к лирическим восклицаниям, столь характерным для плачей: «О, Русская земля! уже за шеломянем еси!»; «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!»; «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»; «А Игорева храбраго плъку не кресити?».

Близко к плачам и «золотое слово» Святослава, если принимать за «золотое слово» только тот текст «Слова», который заключается упоминанием Владимира Глебовича: «Туга и тоска сыну Глебову». «Золотое слово» «съ слезами смешено», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим, — к Игорю и Всеволоду Святославичам. Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к плачам лирическими от-

ступлениями: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!».

Близость «Слова» к плачам особенно сильна в так называемом плаче Ярославны. Автор «Слова» как бы «цитирует» плач Ярославны — приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Плач русских жен по воинам Игоря автор «Слова» передает не только как лирическое излияние, но старается воспроизвести перед воображением читателя и сопровождающее его языческое действо: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ».

Не менее активно, чем плачи, участвуют в «Слове» стоящие в нем на противоположном конце сложной шкалы поэтических настроений песенные славы. С упоминания о славах, которые пел Боян, «Слово» начинается. Славой Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. Ее поют Святославу немцы и венедици, греки и моравы. Слава звенит в Киеве, ее поют девицы на Дунае. Она вьется через море, пробегает пространство от Дуная до Киева. Отдельные отрывки из «слав» как бы звучат в «Слове»: и там, где автор его говорит о Бояне, и там, где он слагает примерную песнь в честь похода Игоря, и в конце «Слова», где он провозглашает здравицу князьям и дружине. Слова славы то тут, то там слышатся в обращениях автора «Слова» к русским князьям, в диалоге Игоря с Донцом («Княже Игорю, не мало ти величия. . .»); «О, Донче! не мало ти величия. . .»). Наконец, они прямо приводятся в его заключительной части: «Солнце свѣтитя на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли».

Итак, «Слово» очень близко к народным плачам и славам (песенным прославлениям). И плачи и славы часто упоминаются в летописях XII—XIII вв. «Слово» близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не плач и не слава. Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии.

Было ли «Слово» единственным произведением столь близким к народной поэзии, в частности к двум ее видам: к плачам и славам? Этот вопрос очень существен для решения вопроса о том, противоречит ли «Слово» своей эпохе по своему стилю и жанровым особенностям.

От времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своей близости народной поэзии. Мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, но не в целом. Только после «Слова» мы найдем в древней русской литературе несколько про-

изведений, в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским характером, которые позволяют объединить их со «Словом» по жанровым признакам.

Мы имеем в виду следующие три произведения: похвалу Роману Мстиславичу Галицкому, читающуюся в Ипатьевской летописи под 1201 г., «Слово о погибели Русской Земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Заразском. Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Каждое из них сочетает книжное начало с духом народной поэзии плачей и слав. Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

Похвала Роману Мстиславичу — это прославление его и плач по нем. Это одновременно плач по бывшему могуществу Русской земли и слава ей. В текст этой «жалости и похвалы» введен краткий рассказ о траве евшан и половецком хане Отроке. Оно посвящено Роману и одновременно Владимиру Мономаху. Ощущение жанровой близости «Слова о полку Игореве» и похвалы Роману Мстиславичу было настолько велико, что оно позволяло даже некоторым исследователям видеть в похвале Роману отрывок, отделившийся от «Слова». Но похвала и «Слово» имеют и существенное различие. Эти различия не жанрового характера. Они касаются лишь самой авторской манеры. Так, например, автор похвалы Роману сравнивает его со львом и с крокодилом («Устремил бо ся бяше на поганья, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур»). Автор «Слова о полку Игореве» постоянно прибегает к образам животного мира, но никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателя.

«Слово о погибели Русской земли» — также плач и слава, «жалость и похвала». Оно полно патриотического и одновременно поэтического раздумья над былой славой и могуществом Русской земли. В сущности, и в похвале Роману тема былого могущества Русской земли — центральная. Здесь, в «Слове о погибели», эта тема не заслонена никакой другой. Как и похвала Роману, она насыщена воздухом широких просторов родины. В похвале Роману — это описание широких границ Русской земли, подвластной Мономаху. Здесь, в «Слове о погибели», — это также еще более детальное описание границ Руси, подчиненной тому же Мономаху. «Отселе до угор и до ляхов, до чяхов, от чяхов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немецъ; до корелы, до Устьяга,

где бяху тамо тоимицы погании, и за Дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордви, то все покорено было богом христьяньскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю киевскому, деду его Володимеру и Мономаху, которым то половицы дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет не выникиваху, а угры твердяху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал, а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем».

Не только поэтическая манера сливать похвалу и плач, не только характер темы сближает похвалу Роману со «Словом о погибели», но и самое политическое мировоззрение, одинаковая оценка прошлого Русской земли. В «Слове о погибели» нет только того элемента рассказа, который есть в похвале Роману и который сближает ее со «Словом о полку Игореве».⁹

Наконец, тем же грустным воспоминанием о былом могуществе родины, тою же похвалою и «жалостью» овеяно и третье произведение этого вида — «Похвала роду рязанских князей». Эта последняя восхваляет славные качества рода рязанских князей, их княжеские добродетели, но за этой похвалой старым рязанским князьям ощутимо стоит образ былого могущества Русской земли. О Русской земле, о ее чести и могуществе думает автор «Похвалы», когда говорит о том, что рязанские князья были «к приезжим приветливы», «к посолником величавы», «ратным во бранях страшны являшесь, многие враги востаючи на них побежаше, и во всех странах славно имя имяше». В этих и во многих других местах «Похвалы» рязанские князья рассматриваются как представители Русской земли, и именно ее чести, славе, силе и независимости и воздает похвалу автор. Настроение скорби о былой независимости родины пронизывает собой всю «Похвалу роду рязанских князей». Таким образом, и здесь мы вновь встречаем то же сочетание славы и плача, которое мы отметили и в «Слове о полку Игореве». Это четвертое (включая и «Слово о полку Игореве») сочетание плача и славы окончательно убеждает нас в том, что оно отнюдь не случайно и в «Слове о полку Игореве». Ведь и «Задонщина» в конце XIV в. подхватила в «Слове» то же сочетание «похвалы и жалости», создав и самое это выражение «похвала и жалость», которым мы пользовались выше.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании плача и славы. Оно во всяком случае имеет своих преем-

⁹ Близость «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели» была отмечена во многих работах. Обстоятельнее всего вопрос о принадлежности обоих произведений к «одной поэтической школе» освещен в работе А. В. Соловьева «New traces of the Igor tale in old Russian literature» (Harvard slavic studies, v. I, Cambridge Mass., 1953).

ников, если не предшественников. И вместе с тем на фоне похвалы Роману, «Похвалы роду рязанских князей» и «Слова о погибели Русской земли» «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. Оно выделяется среди них силой своего художественного воздействия. Оно шире по кругу охватываемых событий. В еще большей мере, чем остальные произведения, сочетает в своей стилистической системе книжные элементы с народными. Но факт тот, что «Слово» не абсолютно одиноко в русской литературе XII—XIII вв., что в нем могут быть определены черты жанровой и стилистической близости с тремя произведениями XIII в., каждое из которых стало известно в науке после открытия и опубликования «Слова о полку Игореве».

*

Языческие элементы в «Слове о полку Игореве» выступают, как известно, очень сильно. Это обстоятельство всегда привлекало внимание исследователей, а у скептиков вызывало новые сомнения в подлинности «Слова». Большинство исследователей, тем не менее, объясняли это фольклорностью «Слова», другие в последнее время видели в этом характерное явление общеевропейского возрождения язычества в XII в.¹⁰

Действительно, «Слово о полку Игореве» выделяется среди других памятников древней русской литературы не только тем, что языческие боги упоминаются в нем относительно часто, но и отсутствием обычной для памятников древнерусской литературы враждебности к язычеству.

Тем не менее язычество «Слова» не только не противоречит нашим современным представлениям об истории русской религиозности и об отношении к язычеству в древней Руси в XII в., но в известной мере подтверждает их. Особенное значение имеют в изучении этого вопроса две работы: Е. В. Аничкова «Язычество и древняя Русь»¹¹ и В. Л. Комаровича «Культы Рода и Земли в княжеской среде XII в.»¹²

Обратим внимание на то обстоятельство, что в «Слове» очень часто говорится о «внуках» языческих богов: Боян, «Велесов

¹⁰ Аналогичное древнерусскому возрождение язычества в XII в. в Западной Европе отмечают ряд исследователей (S e z n e s. La survivance des dieux antiques. London, 1940; J. de V r i e s. De Skaldenkenningen met mythologischen Inhoud. Haarlem, 1934). Р. О. Якобсон отмечает общее условие этого «возрождения»: язычество перестало быть опасным для христианства (The Puzzles of the Igor' Tale on the 150th anniversary of its first edition. — Speculum, 1952, January, стр. 57).

¹¹ Е. В. А н и ч к о в. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914 г., главы «Два взгляда на язычество у древнерусских книжников» и «Боги в „Слове о полку Игореве“ и новый взгляд древних книжников на язычество».

¹² См.: ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1959, стр. 84—104.

внуче», ветры «Стрибожи внуци», «жизнь Дажьбожя внука», «въ силах Дажьбожя внука». А. Мазон считает, что перед нами в данном случае типичное псевдоклассическое клише: Боян называется внуком Велеса, подобно тому как поэты XVIII в. назывались сыновьями Аполлона.¹³ Однако «сын» и «внук» — это совсем не одно и то же. Внук в данном случае несомненно имеет значение «потомка» (ср. «Хамови внуци» — Изб. 1073 г.; «внуки святого великаго князя Владимира князя Святослава Ольговича Черниговского» — «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.).

В «Слове» перед нами несомненные пережитки религии еще родового строя. Боги — это родоначальники. В. Л. Комаровичу, как мне кажется, удалось вполне убедительно показать, что культ Рода глубоко проник в сознание людей домонгольской Руси и в пережиточной форме сохранялся даже в политических представлениях и политической действительности XII—XIII вв. Культ родоначальника сказался, в частности, в элементах религиозного отношения к Олегу Вещему, воспринимавшемуся одно время как родоначальник русских князей,¹⁴ даже в политической системе «лествичного восхождения» князей и во многом другом. Исследование В. Л. Комаровича показывает целую систему представлений XII—XIII вв., связанную с этими пережитками культа Рода.

В «Слове о полку Игореве» эти пережитки также могут быть отмечены — не только в том, что люди и явления признаются потомством богов, но и в самой системе художественного обобщения. В самом деле, для чего в «Слове» даны большие отступления об Олеге Гориславиче (Святославиче) и Всеславе Полоцком? Многим из исследователей эти отступления казались совершенно непонятными: в них видели то вставки, то проявления неуместной придворной лести, разрывающей художественное единство произведения.¹⁵

На самом деле, как это можно заключить из материалов исследования В. Л. Комаровича, эти отступления закономерны: князя Ольговичи характеризуются по их родоначальнику Олегу, Всеславичи — по их родоначальнику Всеславу Полоцкому.¹⁶ Перед нами единое представление о взаимоотношении предков

¹³ А. М а з о н. Le Slovo d'Igor, стр. 62. О слове «внук» см. ниже, в статье Ю. М. Лотмана, стр. 372—373.

¹⁴ Повесть временных лет, т. 2. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 249—250.

¹⁵ А. В. Соловьев считает (Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, М., 1948, № 25), что часть, посвященная в «Слове» Всеславу Полоцкому, внесена автором «Слова» придворным певцом Святослава Киевского, женатым на Марии Васильевне Полоцкой — правнучке Всеслава.

¹⁶ См. подробнее: Д. Л и х а ч е в. Человек в литературе древней Руси. М., 1958, стр. 130—131.

и потомков, в котором элементы культа перекрещиваются с элементами политических воззрений, быта и, как мне представляется, художественного мышления.

Как показывает Е. В. Аничков, в древней Руси существовало два взгляда на происхождение языческих богов. Согласно первому взгляду — языческие боги это бесы. Взгляд этот опирался на Библию, высказывания апостолов и отцов церкви. Языческие боги названы бесами во Второзаконии (82₆₋₁₇), в Псалмах (105₃₇), у апостола Павла (1-е Послание Коринфянам, 10₂₀). Взгляд этот усвоен был нашей древнейшей летописью в рассказе о варягах-мучениках и о крещении Руси, в рассказе летописи под 1067 г. и т. д. Этот взгляд требовал умолчания имен богов, упоминание которых считалось греховным. Е. В. Аничков обращает внимание на учение Иисуса Навина — «не вспоминайте имени богов их» (Иисус Навин, 23₇) — и на слова псалма «не упомяну имен их устами моими» (15₄), которые объясняют нежелание древнерусских книжников называть имена древнерусских богов и даже особую формулу древнерусских поучений, отмечающих, вслед за рано переведенной в славянской письменности, проповедью Ефрема Сирина против вновь впадающих в язычество, что о последнем «срам» говорить.¹⁷

Этот древнейший взгляд на язычество, как отмечает Е. В. Аничков, по мере успехов борьбы с язычеством сменяется более спокойным к нему отношением. Развивается второй взгляд на язычество: языческие боги не заключают в себе ничего сверхъестественного. Боги — это простые люди, которых потом обоготворило потомство. Еще в «Речи философа» сказано, что люди творили кумиры «во имяна мертвых человек, овем бывшим царем, другом храбрым и волъхвом, и женам прелюбодеицам».¹⁸

Интересное рассуждение записано в «Повести временных лет» под 1114 г. Там сказано, что Сварог и Дажьбог сотворены кумирами во имя «бывшего царя» Феост-Гефест — родоначальника целого поколения богов-царей. Причем характерно, что отношение к этим богам-царям вовсе не отрицательное: они одобряются за то, что установили единобрачие. Взгляд на богов как на предков отражен в «Хождении богородицы по мукам». В этом произведении говорится, в частности, о том, что нечестивцы «богы назваша» «человеческа имена» — Трояна, Хърса, Велеса, Перуна.¹⁹ По-видимому, основанием к такому взгляду на языческих богов служили не только произведения переводной литературы,

¹⁷ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 107—109.

¹⁸ Повесть временных лет, т. 1. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 64.

¹⁹ И. И. Срезневский. Древние памятники письма и языка. — ИпоРЯС, т. X, СПб., 1861—1864, стр. 553.

но и самый характер древнерусского язычества, в котором действительно были элементы культа предков, как это блестяще показано исследованием В. Л. Комаровича и как это ясно из самого «Слова о полку Игореве» и его художественных обобщений.

Если это так, и «Слово» действительно придерживалось взгляда на языческих богов не как на бесов, а как на родоначальников, то понятно его спокойное отношение к языческим богам, отсутствие боязни называть языческих богов и их своеобразное поэтическое переосмысление.

*

Авторы древнерусских литературных произведений обычно не скрывают своих намерений. Они ведут свое повествование для определенной цели, которую прямо сообщают читателю. Авторская тенденция по большей части явна и только в редких случаях скрыта за авторским изложением (в некоторых случаях так скрывалась, например в летописи, политическая тенденция). Это стремление открыто проводить определенную идею в своих произведениях отразилось, в частности, в описаниях природы.

Древняя русская литература чаще рассказывает, чем описывает. Она чаще изображает события, чем состояния. Она не отвлекает явления от их отношения к главной цели повествования, не интересуется явлениями самими по себе, независимо от их отношения к человеку. Она антропоцентрична. Поэтому древняя русская литература знает очень мало описаний того, что находится в статическом состоянии, того, что не связано непосредственно с событиями или нуждами человека.

Так, например, древняя русская литература редко описывает памятники архитектуры, а если это и делает, то только для того чтобы прославить князя строителя или пожалеть об утраченной красоте погибшего памятника. Самое пространное описание архитектурных памятников читается в Ипатьевской летописи под 1259 г.: это описание города Холма, сожженного «от оканья бабы». Это описание преследовало двойную цель: оплакать красоту и богатство погибшего города и прославить князя — его строителя Даниила Галицкого. Поэтому оно построено как рассказ о создании города, хотя помещен этот рассказ в месте, где полагалось бы говорить о его гибели. Но русские авторы не умели создавать описания самого по себе, и поэтому летописец Даниила Галицкого создал лирический рассказ о создании города и о его гибели. «Си же потом спишем о создании града, и украшение церкви, и оного погибели мнозе, я к о в с и м с ж а л и т и с я», — так заявляет летописец о цели своего повествования. Весь дальнейший рассказ о красоте погибшего города пред-

ставляет собою повествование о его созидании. Следовательно, описывается действие, событие, а не статическая картина. Это описание города Холма — лучшее из описаний древнерусских архитектурных ансамблей, и оно часто использовалось в специальных работах искусствоведов.

И во всех остальных случаях о древнерусских архитектурных сооружениях говорится только в связи с их созиданием или с их гибелью — чаще в связи с последним, так как то, что сохранилось и что было перед глазами современников, с точки зрения древнерусских авторов, меньше нуждалось в описании. Так было при описании взятия города Судомира и гибели его «великой» церкви или при описании взятия Владимира Залесского. Жалость и похвала красоте утраченного — вот к чему сводятся обычно короткие замечания об архитектуре. Строго говоря, это не описания, а похвалы, в которых есть элементы описания.

Так же точно и в описаниях природы. По существу объективного, самоустраненного описания природы, статического литературного пейзажа, статической картины природы древняя русская литература не знает. В этом одно из коренных отличий отношения к природе древней русской литературы от новой. Приведу примеры.

«Явися звезда на востоце хвостатая, образом страшным, испущающе от себе луче великы, си же звезда наречается вла-сатая; от видения же сея звезды страх объя вся человеки и ужась; хитреци же смотревше, тако рекоша: „Оже мятежь велик будеть в земли“; но бог спасе своею волею, и не бысть ничтоже» (Ипат. лет., под 1265 г.).

«И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блещащеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна» (Лавр. лет., под 1024 г.).

«Томь же лете стоя все лето ведромь и пригоре все жито, а на осень уби всю ярь мороз. Еще же, за грехы наша, не то зло оставися, нъ паки на зиму ста вся зима тепломь и дьжгемь, и гром бысть; и купляхом кадку малую по 7 кун. О, велика скърбь бяше в людьх и нужда» (Новг. I лет. по Син. сп., под 1161 г.).

«На то же осень зело страшно бысть: гром и мълния, град же яко яблъков боле, месяца ноября в 7 день, в час 5 ноци» (Новг. I лет. по Син. сп., под 1157 г.).

Приведенные четыре отрывка из летописи, хотя и носят сугубо прозаический, а не поэтический характер, тем не менее очень типичны для художественного отношения к природе в древней Руси. Обратим внимание, что во всех четырех отрывках описываются явления природы в их динамике, а не статике, описываются действия природы, а не рисуются ее неподвижные картины; в них выражено авторское отношение в виде очень сильной лирической их окрашенности; явления природы в них имеют

прямое отношение к людям. В первом из приведенных отрывков речь идет о тяжелых, но, к счастью, несбывшихся предзнаменованиях. Во втором выступает параллелизм в действиях людей и действиях природы: картина битвы соединена с картиною грозы. В третьем рассказывается о стихийных несчастьях. В четвертом рассказывается просто об удивительном явлении природы: поздней грозе и граде.

Кроме этих четырех типов отношений к природе, в древней русской литературе есть и пятый — редкий в летописи, но зато частый в церковно-учительном жанре: это раскрытие символического значения того или иного явления природы.

Типично для этого раскрытия символизма в природе знаменитое изображение весны в «Слове на Фомину неделю» Кирилла Туровского. Кирилл описывает весну и каждую деталь сопровождает разъяснением ее символического смысла: «Ныне небеса просветишася, темных облак яко вретница съвълекъша, и светлымъ въздухом слава господню исповедають. Не си глаголю видима небеса, нъ разумныя. . . Днесь весна красується оживляючи земное еСТЬСТВО, и бурьнии ветри тихо повевающе плоды гобъзують, и земля семена питаючи зеленую траву ражаеть. Весна убо красная еСТЬ вера Христова. . . бурьнии ветри — грехотворьнии помыслы. . . земля же еСТЬства нашего, аки семя слово божие приемши и страхом его боляци присно, дух спасения ражаеть».²⁰ Не буду продолжать цитирование этой обширной символической картины весны. Приведенного вполне достаточно, чтобы судить об этой системе изображения природы — типично церковной и зависящей, в конечном счете, от византийской традиции.

В отличие от большинства древнерусских литературных произведений, природа в «Слове о полку Игореве» занимает исключительно большое место, но если мы присмотримся к с и с т е м е ее изображения, то заметим ее безусловную связь со своей эпохой. Природа в «Слове» описывается только в ее изменениях, в ее отношениях к человеку, она включена в самый ход событий, в «Слове» нет статистического литературного пейзажа, типичного для литературы нового времени. Природа участвует в событиях, то замедляя, то ускоряя ход событий. Она активно воздействует на людей, и описания ее явлений окрашены сильным лирическим чувством.

Все типы отношения природы к человеку, приведенные мною выше, встречаются в «Слове» в разнообразных и усложненных видах. Она выступает с предзнаменованиями. Кроме предзнаменований «астрономических» — солнечное затмение, в «Слове»

²⁰ И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 416.

представлены предзнаменования по поведению зверей и птиц, в существовании которых в древней Руси нет основания сомневаться (вспомним, как по вою волков в «Сказании о Мамаевом побоище» Дмитрий Волынец и гадает о русской победе и слышит ночью «гуси и лебеди крылми плещуце»).²¹

Выступает природа и в поэтических параллелях к событиям человеческой жизни. Параллель битвы — грозы, которую мы видели в «Повести временных лет» под 1024 г. в описании Лиственской битвы, развернута в «Слове» с особенной подробностью. Нельзя думать, что в описании Лиственской битвы гроза — исторический факт, а в «Слове» — поэтическая параллель к битве. Факт и поэтическая параллель не обязательно должны были противостоять друг другу. Во время Лиственской битвы гроза несомненно была, но ее упоминание было бы совершенно необязательно в летописи, если бы летописцу она не показалась примечательной для описания битвы. Так же точно, если бы гроза и на самом деле была во время первой битвы с половцами Игоря Святославича, это не умалило бы поэтичности параллели. Так же точно сравнение людей с птицами и зверями — типичная черта средневековой литературы.

Таким образом, природа в «Слове о полку Игореве» изображается так, как это было принято в средневековой литературе. Она действует или «аккомпанирует» действию людей, она динамична, «события» природы параллельны событиям людской жизни. Статического литературного пейзажа, типичного для нового времени, «Слово» не знает.

*

Типичной для средневековой русской литературы следует признать также особого рода конкретизацию абстрактных понятий в метафорических выражениях: «уже бо *беды* его пасет птицъ по дубию», «*слава* на суд приведе и на ковылу зелену паполому постла», «уже пустыни *силу* прикрыла», «Игорь и Всеволод уже *лжу* убудиста», «уже снесся *хула* на *хвалу*», «уже тресну *нужда* на *волю*», «*веселие* пониче», «*тоска* разлися по Руской земли, *печаль* жирна утече средь земли Рускыи», «Въстала *обида* в силах Дажьбожа внука», «за ним кликну *карна*, и *жля* наскочи по Руской земли» (если только «карна» и «жля» не языческие боги), а также «истягну умь *крепостию* своею и поостри сердце своего *мужеством*», «*жалость* ему знамение заступи», «скача *славию* по *мыслену* древу, летая *умом* под облакы, свивая *славы* оба полы сего времени».

²¹ Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, стр. 64.

Такую же своеобразную конкретизацию мы найдем в житийной и учительной литературе, в посланиях и у Даниила Заточника: «Огонь искушает злато и серебро, а человек умом лъжу отсекает от истины» (Житие Константина Философа);²² «Вострубим, братие, яко во златокованныя трубы, в разум ума своего» («Моление Даниила Заточника»);²³ «Веде, яко не не разумеши, яко по божии благодати ум твой быстро летаетъ» («Послание Никыфора, митр. киевского к великому князю Володимиру, сыну Всеволожю, сына Ярославля», в списке XVI в. Московской Синодальной библиотеки);²⁴ «аще кто слеп есть разумомъ, ли хром невериеть, ли сух мнзех безаконий отчаяниеть, ли расслаблен еретичьскимъ учениеть — всех вода крещения съдравы творить» (Кирилл Туровский. Слово о расслабленном);²⁵ «богохульная словеса акы стрелы к камени пуцающе съламахуся» (Кирилл Туровский. Слово о расслабленном);²⁶ «окованы ницетою и железомъ» (Кирилл Туровский. Слово на вознесение);²⁷ «възьем крест свой преторением всякая обиды; распнемься браньими к греху» (Кирилл Туровский. Слово в неделю цветную),²⁸ и т. д.

Метафорическую конкретизацию абстрактных понятий мы встречаем в самых различных жанрах; в летописи: в описании взятия татарами Судомира говорится об одном из жителей его — простом поляке, что он «защитився отчаянием акы твердым щитом», совершил подвиг достойный памяти (Ипат. лет., под 1259 г.); в учительной проповеди в «Слове о ленивых» говорится о ленивом, что ленивого «беда по голням биет, а долг взашей пихает; недостатки у него в дому сидят, а раны ему по плечам лежат; уныние у него на главе, а посмех на браде; помысл на устех, а скорбя на зубех; горесть на языке, печаль в гортани» и т. д.²⁹

Если мы обратимся к конкретизации абстрактных понятий в литературе нового времени, и в частности в литературе второй половины XVIII в., то там мы встретимся с конкретизацией совсем другого характера. Там авторы по большей части создают аллегории. Здесь же конкретизация носит весьма специфический

²² М. Б о д я н с к и й. Кирилл и Мефодий. — Чтения в ОИДР, 1863, кн. 2, стр. 3.

²³ Н. Н. З а р у б и н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. М., 1932, стр. 4.

²⁴ Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей российских при Москов. университете. ч. I. М., 1815, стр. 70.

²⁵ И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 392.

²⁶ Там же, стр. 334.

²⁷ Там же, стр. 340—341.

²⁸ Там же, т. XIII, стр. 411.

²⁹ А. И. П о н о м а р е в. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. III, СПб., 1897, стр. 93—94.

и, я бы сказал, однообразный характер. Она лишена какой бы то ни было описательности. Абстрактное понятие попросту вводится в конкретное действие. Оно чаще всего «материализуется» с помощью глагола, означающего какие-либо действия: «вострубим в разум ума», «окованы нищетою», «тоска разлилася» и т. д. Иногда оно конкретизируется с помощью эпитета. Близко к этой конкретизации стоит одушевление неодушевленных предметов и придание им абстрактных значений: «живые камни»³⁰ (ср. в «Слове» «живыми шерешеры стреляти»), «умная гора»³¹ (ср. в «Слове» «скача, славию, по мыслену древу»).

Меньше всего в «Слове» той христианской символики, которая столь типична для церковно-учительной литературы. Здесь, конечно, сказан светский характер памятника. Эту церковную символику можно усматривать только в образе «мысленного древа», по которому растекалась мысль Бояна.

*

Вступление к «Слову», в котором автор колеблется в выборе стиля и обращается к своему предшественнику — Бояну, кажется скептикам одной из самых больших «странностей» Слова.

На самом деле вступление к различного рода «словам», житиям, проповедям обычны в древнерусской литературе. Ограничусь некоторыми введениями к словам Кирилла Туровского.

Во вступительной части «Слова на Фомину неделю» Кирилл, прежде чем приступить к теме своего повествования, выражает свои колебания, как и автор «Слова о полку Игореве»: «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня святаго духа на слажение душеполезных словес; обаче любведея сущая со мною братья мало нечто скажем о поновлении въскресения Христова».³² Замечательно, что перед нами в этих колебаниях не простое проявление авторской скромности, но и мысль о том, каким должен быть подлинный «сказатель», который бы украсил своею речью праздник — тему слова Кирилла.

Во вступительной части слова Кирилла «О слепце и о зависти» Кирилл подчеркивает, что он «творит» свою «повесть» словами Иоанна Богослова: «Нъ не от своего сердца сия изношю словеса — в души бо грешне ни дело добро, ни слово пользно ражається, —

³⁰ Григорина, архиепископа российского, похвально иже в святах отца нашего Еуфимиа, патриарха Тръновского. В кн.: Emil Kaľužniak i. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven. Wien, 1901, стр. 29.

³¹ Там же, стр. 41.

³² См.: П. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII, стр. 415.

нъ творим повесть, въземлюще от святаго Евангелія, почтенаго нам ныня от Иоана Феолога, самовидьця Христовых чудес». ³³

Во вступительной части «Слова на собор 318 отец» Кирилл выбирает задачу повествования, указывая, что его задача сходна с той, которую себе ставят летописцы и песнотворцы: «Яко же историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и възпълчения, да украсять словесы и възвеличатъ мужьствовавъшая крепко по своємь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалями венчають, колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбром и великым воеводам божиям». ³⁴ Замечательно, что в этом вступлении есть даже лексические совпадения со вступлением к «Слову»: «песнотворци», «лепо» и др.

Наиболее странной особенностью вступления к «Слову о полку Игореве» всегда представляется обращение автора к своему предшественнику — Бояну. Но в «Слове на Вознесение» у Кирилла есть и такое именно обращение к предшественнику. Кирилл, прося пророка Захарию прийти к нему на помощь и дать «начаток слову», обращает внимание на его немногосказательную, но прямую речь: «Приди ныня духомъ, священный пророче Захария, начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа! Не бо притчею, нъ яве показал еси нам, глаголя: „Се бог нашъ грядеть в славе, от брани опълчения своего, и вси святии его с нимъ, и станета ноге его на горе Елеоньстей, пряму Иерусалиму на възток. Хощем бо и прочее от тебе уведати“». ³⁵

Из приведенных примеров, взятых только из одного автора XII в. — Кирилла Туровского, видно, что все основные элементы введения к «Слову о полку Игореве» не составляют новшества: колебания в выборе стиля, обращение к предшественнику, противопоставление «притчей» («по замышлению») рассказу, «яве» показывающему (т. е. «по былинам сего времени») и пр.

Единственно чем введение к «Слову» выделяется среди всех остальных введений, это своим совершенно светским характером. Соответственно этому свои нюансы имеют и авторские колебания, и самый выбор предшественника, к которому обращено введение — не библейский пророк Захарий, а светский певец Боян.

Перед нами и в этом, следовательно, выступает выдержанный светский характер памятника.

³³ И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 336.

³⁴ См.: там же, стр. 344.

³⁵ См.: там же, стр. 340.

Отмечено было также сходство между вступлением к «Слову» и вступлением к Хронике Манассии и к той ее части, которая описывает Троянскую войну.³⁶

В предисловии к Хронике автор ее говорит, что он будет вести свое повествование «древняя словеса». В предисловии к Троянской войне автор пишет: «Сия аз въсхотев брань с'писати якоже писавшими прежде пишет ся». Он просит прощения («прощения прося»), что будет говорить другими словами, чем Гомер («глаголати не якоже Омир с'писует»), и т. д.

Наконец, самое главное: Боян имеется и в «Задонщине». Как бы не считать Бояна «Задонщины» — вышедшим из «Слова» или породившим Бояна в «Слове» — и в том и в другом случае «Боян» не модернизм. Боян в «Задонщине» упоминается в аналогичном контексте вводных размышлений автора: «Но проразимся мыслию над землями и помянем первых лет времена и похвалим вещего Бояна, гораздаго гудца в Киеве. Тот Боян воскладаше гораздыя своя персты на живыа струны и пояше князем руским славы».³⁷

*

«Слово о полку Игореве» исключительно для своей эпохи по своей поэтической высоте, но оно не противоречит своей эпохе. Оно не опровергает сложившиеся представления о домонгольской Руси. Оно лишь расширяет эти представления. В своей литературной природе оно несет черты, специфические для русского средневековья.

³⁶ R. J a k o b s o n. 1) L'authenticité du Slovo. — La Geste du prince Igor', стр. 292—293; 2) The puzzles of the Igor tale. — Speculum, 1952, January, стр. 62—63.

³⁷ Повести о Куликовской битве, стр. 9 (реконструкция текста «Задонщины» В. Ф. Ржиги).